

ДРЕВНИЕ ПЕРФОРМАТИВЫ И РИМСКОЕ ПРАВО *

В центре представлений о мире фиксируются тексты, документирующие генезис культуры. Как правило, они предстают в виде перформативных ядер, т. е. ключевых выражений, нацеленных на совмещение говорения и делания. Современные исследования проблемы перформативов позволяют расширительное толкование этого явления. Ученые говорят о перформативности как свойстве интенционального мира, способном трансформировать установки на восприятие пространства и времени [1].

Первоначально Дж. Остин, сформулировавший концепцию перформативов, под ними понимал следующее. Перформативы «суть высказывания в самом прямом и строгом смысле слова, содержащие обычные глаголы настоящего времени изъявительного наклонения в первом лице единственного числа. И тем не менее с первого взгляда становится ясно, – пишет Дж. Остин, – что они никак не могут быть истинными или ложными. Более того, если некто произносит подобного рода высказывание, мы говорим, что тем самым он не просто говорит, но делает нечто. [...] Представим себе, например, что во время свадебной церемонии я говорю “да”, – подтверждая тем самым, что “я беру эту женщину в законные жены”. Предположим, наступив вам на ногу, я говорю “прошу прощения”. Или, например, держа в руке бутылку шампанского, я произношу “Называю это судно *Королева Елизавета*”...» [2. С. 264]. В последующем число высказываний, называемых перформативами, пополнилось и другими грамматическими конструкциями. В этой

связи представляет особый интерес структура высказываний о мире, документирующих его происхождение (см.: [3; 4]). Языки и культура предстают в виде сетевого образования, содержащего перформативные ядра, которые воспринимаются как данности мировой истории. Их нельзя отрицать. Речевой акт, согласно философии именования, лежит в основе мира. Этот речевой акт успешен, он находится вне логики. Его нельзя оценивать по типу истинного или ложного [5]. Вообще, речевые перформативы от третьего лица (например, сказал или изрек) являются нетипичными представителями перформативов в современной традиции [4. Р. 94]. Следующий пример из Авесты («Ахура-Мазда молвил...») демонстрирует значимость слова как действия в древности.

1. Спросил Ахура-Мазду
Сипитама-Заратуштра:
«Скажи мне Дух Святейший,
Создатель жизни плотской,
Что из Святого Слова
И самое могучее,
И самое победное,
И наиблагодатное,
Что действенной всего?
2. И что победоноснее,
И что всего целебнее,
Что сокрушает больше
Вражду людей и дэвов?
Что в этом плотском мире
Есть мысль проникновенная,
Что в этом мире плотском –
Отдохновенный дух?»
3. Ахура-Мазда молвил:
«Мое то будет имя,

* Доклад проф. С. Г. Проскурина на международной научной конференции «Римское частное право: многовековой опыт развития европейского права» (Новосибирск, 1–3 июля 2012 г.).

Спитама-Заратуштра,
 Святых Бессмертных имя, –
 Из слов святой молитвы
 Оно всего мощнее,
 Оно всего победнее
 И наиболее благодатнее,
 И действенной всего. (Гимн Ахура-Мазде
 (Яшт1, «Ормазд-яшт»)).

Другим древним репрезентативным перформативом является речевой акт библейского творения: «Вначале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один» (Первая книга Моисея. Бытие).

В сердцевине иудео-христианского или зороастрийского комплексов веры лежат успешные перформативы, связанные с изреченным или промолвленным. Крупные контенты опираются на эти срединные перформативы, не требующие дополнительных доказательств своей истинности.

Главным выводом из вышеприведенного тезиса может явиться утверждение о том, что комплекс веры в целом покоится на платформе, которая не может быть подвергнута логическому опровержению. Речевые акты, результатом которых стало существование мира, либо состоялись, либо их просто не было.

В филологических исследованиях говорится о «номинализме» как ведущем принципе мифопоэтической традиции. Актуален тезис – существует лишь то, что названо. Далее мы встречаемся с необычной для нас ситуативной моделью древних культур – ценности аккумулируются и передаются в форме ритуализованных действий и не могут быть поняты иначе другими поколениями, чем через их повторение. Другими словами, имеет значение лишь то, что можно повторить или воспроизвести. Например, слово.

Примечательно, что нередко объект рассматривался, как воплощенное слово. Ср. др.-инд. «“Праджапати” (первотворец) сказал bhuh: это слово стало землей» (Шатапатха-брахмана П.1.6.3). Все это нетипичные для современности, древние перформативы. Поскольку в древних культурах

речевой акт почти всегда изначально совмещен с деланием и творением, постольку наиболее ранние формы перформативности ориентированы на процесс говорения. В этой связи древние перформативы – это формулы говорения типа «сказал», «изрек». Они репрезентируют действие.

Так, особое значение приобретает креативная функция называния, широко представленная в индоевропейской традиции, сопологающая процесс созидания вещи и ее номинацию (ср. из эпоса «Беовульф»).

Ɔa ic wide gefraegn weorc gebannan manigre maegde Ɔisne middangeard... scop him Heort naman, se the his words geweald wide haefde (В. 75–79). Слышал я повсюду, что дворец возводить многие люди со всего «срединного мира»... сотворил ему имя Хеорот тот, кто власть слова повсюду имел.

Приведенный фрагмент иллюстрирует значимость ономатетического акта – получение построенным зданием имени рассматривается как заключительный акт строительного ритуала, и только получение имени гарантирует включение дворца в структуру мифопоэтического мира.

Важна еще одна сторона «номинализма»: имя, будучи элементом синхронии, относится в то же время к диахронии; именно в этом видится операционность архаического мышления, когда ответом на вопрос о происхождении того или иного предмета служит указание его имени, обладающего прозрачной внутренней формой [б. С. 96–97].

А теперь приведем развернутый комментарий из книги А. Море «Египетские мистерии». «Египетские источники подчеркивают неразрывную связь между Истиной и Словом в характерном, но трудно переводимом выражении, над которым долгое время бились египтологи. Когда кто-либо, бог или человек, сам, от рождения, либо вследствие приобретенных добродетелей, или заслуг, или магических действий, достигал того состояния благодати, которое именуется святостью или божественностью, египтяне говорили о нем, что он “правый голосом mАa-xrw”. Этот эпитет применялся к богам, царю, почитавшемуся живым богом на земле, умершим, удостоенным оправдания, или тем, кто вооружился сильными заклинаниями, чтобы достичь желаемого, и, наконец, к живым людям, достойным подобной милости, – таким, как жрецы, совершавшие богослужение, или маги, сведущие в ритуалах.

Быть **mAa-xrw** означало получить в свое распоряжение животворящее Слово, которое давало полную власть во всех случаях и в любое время. Бог или человек попал в беду? Божье слово, выговоренное звук за звуком, отгоняло от него всех врагов; а если он чего-то желал, то, как только знавший Слово называл желаемое, оно тут же возникало. Мог ли он испытывать голод? «Дары появлялись от голоса», как только говоривший называл их, ибо чудо творения обновлялось в каждом храме и в каждой гробнице, где звучало действенное слово. Нуждался ли он в заступничестве перед богом на суде Осириса? Божье слово, истинное по своей природе, обеспечивало обладателю его оправдание и признание праведности. Подобное выражение нуждается в комментарии. Египтологи по-разному передавали значение словосочетания **mAa-xrw**: Девериа и Навиль переводили его как «правогласный» (*triumphant*); Масперо – как «правый голосом» (*juste de vox*); Пьерре – как «правдивый» (*véridique*); Вирей – как «воплощающий речью, чей голос воистину воссуществляет» (*celui qui realize en parlant, don't la voix fait être vraiment*); я сам – как «творящий голосом, наделенный животворящим голосом» (*créateur par la voix, doue de voix créatrice*)» [7. С. 82–84].

Таким образом, перформативность в древних традициях связана с речевыми или голосовыми функциями. Не является исключением и юридическая традиция, поскольку она изначально ориентирована на речевую перформативность. Все право тотально строится на речевом акте, который одновременно является действием (ср. юрисдикция и лат. *ius dicere* «право говорить»), или иначе, скрещиванием слова и деяния.

Определение первичных перформативов позволяет установить базу исчисления более крупных контентов в праве. Так, в юриспруденции вербальный контракт был основан на простом перформативе-стипуляции.

«Стипуляцией назывался устный договор, заключаемый посредством вопроса будущего кредитора (*centum dare spondes?* – обещаешь дать сто?) и совпадающего с вопросом ответа (*spondeo* – обещаю) со стороны лица, соглашающегося быть должником по обязательству» (см.: [8. С. 196]). Примечательно, что обязательство, возникшее из стипуляции, было обязательством строгого

права и потому подлежало строго буквальному толкованию. Как отмечает И. Б. Новицкий, еще Гай считал стипуляцию недействительной, если на вопрос кредитора: «обещаешь ли 10?», должник отвечал: «обещаю 5». Правовые отношения возникли как продолжение перформативных высказываний, за которыми закреплялись права и обязательства. Таким образом, исполненная ненадлежащим образом стипуляция признавалась неуспешной. Постепенно, для обеспечения доказательства совершения стипуляции вошло в обычай составлять письменный акт, удостоверяющий это обстоятельство (он назывался *cautio*).

Юристы, говоря о правовой документации, проводят различие между преамбулой, воспроизводящей обстоятельства, в которых была совершена сделка, и действующей частью документа – той частью, которая сама по себе – осуществление узаконенного действия, являющегося конечной целью документа в целом. Поэтому слово «действующий» (*operative*) является чрезвычайно близким к тому, что Дж. Остин понимал под перформативом.

Иными словами, в центре культуры находятся контент-формулы, которые являются источником текстов. Так, с течением времени стипуляционные тексты (*cautiones*) получили такое широкое применение, что значение стипуляционной формы (вопрос и ответ) отошло на второй план, и если только обе стороны присутствовали в одном месте, то при наличии *caution* предполагалось, что составлению документа предшествовало совершение словесной формы стипуляции. [8. С. 199]. Перформативное ядро культуры сопровождается инсценировкой – искусством перформанса. Перформативное высказывание разворачивается в более крупный контент, который становится символом перформативного акта. Так, стипуляционная формула *sponsio* восходит к ритуальным индоевропейским установлениям – жертвоприношениям жидкостью или возлиянием.

«Жертвоприношение жидкостью», выражаемое греческим глаголом *spendo*, *spendomai* и существительным *sponde*, специально определяется как «жертва во имя безопасности». Всякому предприятию, связанному с риском, – путешествию, военному походу, – но также и договорам, в том числе мирным, предшествует обычно *sponde*. Понятие обеспеченной безопасности

и гарантий лежит в основе изначально юридического значения латинского *spondeo*. Здесь жертвоприношение жидкостью уже исчезло, но его функция сохраняется: *filiam spondere* значит «отдавать дочь в качестве супруги» (*sponsa*), выступая гарантом брака» [9. С. 360]. Отсюда появляется контент-формула *respondere*, которая означает «отвечать, что...» – «отвечая за...».

Итак, тематическая сеть языка и культуры включает в себя ритуал возлияния, имеющий форму культурного исполнения. Помимо этого форма культурного исполнения подразумевает перформативное высказывание (*sponsio*), представленное в виде жанрового текста – текста клятвы. Все вышеозначенное сопровождается искусством перформанса, т. е. сценарного действия.

Так, обязательство из стипуляции имело ритуальный характер. В стипуляционную форму можно было облечь любое обязательственное отношение: и заемное обязательство, и обязательство уплатить цену за купленную вещь, и т. д. «Стипуляцией нередко пользовались в целях новации, т. е. стипуляцию заключали для того, чтобы прекратить уже существующее обязательство, поставив на его место новое, возникающее из стипуляции. Доказав факт стипуляции, кредитор тем самым получал возможность взыскания по обязательству» [8. С. 198].

Центральное положение ритуальных практик типа стипуляций делало их удобной оболочкой, позволяющей вложить в нее любое содержание и быстро проводить его в жизнь, делая стипуляцию самой употребительной в практике римского права формой договора. Ритуализация формы вопросов и ответов (т. е. каков вопрос – таков и ответ) формировала обязательный характер стипуляционного обещания. Вокруг стипуляционного обещания группируются многие слова, и уместно привлечь к рассмотрению те, которые относятся сюда просто в силу соответствующего установления.

«Присяге или заключению договора сопутствует обряд, что выражено греческим *spéndō* “совершать возлияние”, хеттским *šipant, išpant*, т. е. *spand* с тем же значением, и лат. *spondeo*» [9. С. 360]. Ритуальный характер происхождения лат. *spondeo* отразился на диалогической ритуальной формуле выражения согласия. Если говорить языком математики, то необходимо сказать, что выражение согласия – это уравнение с

конгруэнтными левыми (вопросными) и правыми (ответными) формулами. «Нам известны формулы сватовства и согласия на брак. Их воспроизводит Плавт (*Trinummus* 1156, 1162): *sponden (= spondesne)... tuam gnatum uxorem mihi* “клянешься ли отдать мне свою дочь в жены?” – спрашивает жених у отца молодой девушки, а отец отвечает: “да, клянусь”. И снова: *filiam tuam sponden mihi uxorem dari?* – *spondeo*. И наоборот, отец может спросить молодого человека: “берешь ли девушку замуж?”, но ответ тот же: *spondeo*. *Sponsio* воспроизводит эти значения вместе с развившимся в юридическом направлении» [9. С. 363]. Э. Бенвенист отмечает, как это специфически римское значение соотносится с тем, что показывает греческий материал. И сам дает ответ: «И там и там это всегда гарантия безопасности. Как в эллинистическом мире возлияние служило обеспечению безопасности жертвователя, так и в Риме речь идет о безопасности, но юридической, которую *sponsio* дает перед судом. Он находится здесь, чтобы поручиться судье, противной стороне, правосудию, что не будет отсутствовать ни обвиняемый или подсудимый, ни другие. В браке *sponsio* есть поручительство, которое дает отец жениху за свою дочь, в чем и состоит клятва [9].

Наше же инновационное замечание по этой перформативной формуле связывается с диалогической формой верификации перформатива. Перформатив может быть реализован только через ритуальное повторение фразы. Так, у Плавта Парасит Эргазил приносит Гегиону добрую весть: его сын, давно потерянный, должен вернуться. Гегион обещает Эргасилу кормить его ежедневно, если он сказал правду, а тот в свою очередь ручается:

898*sponden tu istud?* – *Spondeo*
«Ты это обещаешь? – Обещаю»

899 *At ego tibi adventisse filium respondeo*
«А я в ответ обещаю тебе, что сын вернулся».

Этот диалог строится на юридической формуле: *sponsio* одного и *re-sponsio* другого выступают формулой гарантии взаимного обязательства. В этом диалоге подчеркивается ритуальная формула взаимности, которая строится на повторении и верификации сказанного.

«Из обмена гарантиями рождается уже установившееся в латыни значение *respon-*

deo “отвечать”. Respondeo, responsum говорят о толкователях богов, о жрецах, особенно о гарусниках, дающих в обмен на жертву – обещание, в обмен на подарок – безопасность; это ответ оракула, жреца» [9. С. 364]. Цепь взаимных обязательств, возникающих в перформативных актах культуры, находит подтверждение в германской ритуальной формуле др.-англ. andswaru «отвечать» при готском swaran «клясться». В основе жанрового текста вновь лежит контент-формула клятвы и ее повторения. Таким образом, формула взаимного обязательства носит перформативный характер, закрепляемый повторением «Я клянусь, обещаю», и в ответ «Я клянусь, обещаю». Возникающее таким образом обязательство представляет по своему характеру ритуальный диалогический текст, который лежит в основе формульных юридических текстов. Еще один речевой акт воплощен в жанровом тексте двуязычного договора. Когда юридические стороны заключают договор, они дважды повторяют текст, меняя акторов произнесенных обязательств. Уже у Геродота широко представлены spendomai и sponde в значении «заключать соглашение»: spendesthai eirenen «заключать мир». Однако это особый тип соглашения, берущий начало в апелляции к божественному провидению.

Что же касается развития контент-формул обязательств, то в императорский период на первый план выходят хирографы, представлявшие собой вид письменного обязательства перформативной природы (Я, такой-то, должен такому-то столько-то), и подписывались должником. Любопытно, что хирографы противопоставлялись в римской правовой культуре синграфам, которые излагались в третьем лице (такой-то должен такому-то столько-то). В теории перформативов отмечается, что высказывание, начинающееся с «я обещаю, что...», очень отличается от высказываний, начинающихся с «он обещает, что...» и, в прошедшем времени, «я обещал, что...». Кстати, синграфы составлялись в присутствии свидетелей, которые подписывали его вслед за тем, от чьего имени он составлялся. Эти высказывания также, несомненно, по виду являются нарративами, но из них выводятся перформативы. В пользу этого говорит и тот факт, что они требуют того или иного вида подписи,

показывающей, кто именно осуществляет акт подписания, утверждения в правах на что-либо и т. д. Типичным для подобного рода перформативных актов, особенно если они оформлены в виде письменных документов, является то, что в них либо реально присутствует, либо может быть добавлено слово «сим, настоящим» (hereby) [2. С. 271]

Итак, культура включает в себя перформативные ядра или ценности, которые способны породить более крупные контенты. Таким образом, в римской правовой сети центральными перформативами являются индоевропейские глаголы возлияния, которые в ритуальных перформативных ядрах эволюционируют в сторону литтеральных (письменных) контрактов. Сам текст литтерального контракта полностью выводится из перформативных ритуальных практик взаимных обязательств в форме устных стипуляций. Далее развивая гипотезу об устроении тематической семантической сети языка и культуры, мы утверждаем, что содержание культуры в своей сердцевине осознается в терминах языка как «ценность», переживаемая носителями культуры.

Список литературы

1. Вульф К. Генезис социального. Мимезис, перформативность, ритуал СПб., 2009.
2. Остин Дж. Перформативные высказывания // Остин Дж. Три способа пролить чернила. СПб., 2006. С. 262–281.
3. Дебрэ Р. Введение в медиологию. М., 2010.
4. Mermoud M. La parole magique. Étude sur la performativité. Lausanne, 2003.
5. Проскурин С. Г. Сетевые структуры в языке и культуре // Общество сетевых структур: Моногр. Новосибирск, 2011.
6. Проскурин С. Г., Центнер А. С. К предистории письменной культуры: архаическая семиотика индоевропейцев. Новосибирск, 2009.
7. Море А. Египетские мистерии М., 2009.
8. Новицкий И. Б. Римское право. М., 2005.
9. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.